

ДЕНИС АНДРИЯНОВ, АНАСТАСИЯ БРАГИНА,
ЖАННА КАСЕНОВА, ДАРЬЯ ЧЕБАНОВА

Как изучать мусульманскую идентичность в современном мире? О социологии ислама Дитриха Юнга

DOI: <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2023-41-3-4-564-585>

Denis Andriyanov, Anastasia Bragina, Zhanna Kasenova, Daria Chebanova

How to Study Muslim Identity in Today's World? Dietrich Jung's Sociology of Islam

Denis Andriyanov — HSE University (Moscow, Russia). daandriyanov@edu.hse.ru

Anastasia Bragina — HSE University (Moscow, Russia). abbragina@edu.hse.ru

Zhanna Kasenova — HSE University (Moscow, Russia). zhmkasenova@edu.hse.ru

Daria Chebanova — HSE University (Moscow, Russia). dschebanova@edu.hse.ru

The review is focused on the analysis of Dietrich Jung's approach to the sociology of Islam. Two fundamental works under Jung's supervision are discussed, starting with a theoretical model by Jung and his co-authors and looking at its implications for the existing sociological research. The authors analyze the internal homogeneity and consistency of this theoretical model. The main argument of the article is the fact that Jung's elaborated theoretical model does

not necessarily correspond to epistemological and methodological foundations of various studies included in the collective works edited by Jung. This fact is demonstrated, in particular, by analyzing the methodological framework of the articles included in the book "Muslim Subjectivities in Global Modernity".

Keywords: Dietrich Jung, identity, subjectivity, Muslim world, modernity, Islam.

Введение

В ДАННОЙ статье рассмотрены работы датского социолога и исламоведа Дитриха Юнга, посвященные современности (*modernity*) и исламу, а также их совместимости. В обеих областях профессор работает более 35 лет, из них 14 — в должности руководителя «Центра современных исследований Ближнего Востока и мусульманских исследований» Университета Южной Дании¹. В фокусе его исследовательской программы изучения современных мусульманских субъектностей — *Modern Muslim Subjectivities Project* (далее *MMSP*) — находится преимущественно современный Ближний Восток, но она также затрагивает особенности развития стран с мусульманским большинством и меньшинством на протяжении последних двух столетий.

Программа объединяет исследователей не только из Университета Южной Дании, что обеспечивает разнообразие интересов и компетенций ее участников. Гетерогенность группы позволяет охватывать множество аспектов современности на Ближнем Востоке, включая историческое развитие идентичностей, философию, идеологии и особенности самовосприятия мусульман в XIX–XXI вв. Это осуществляется как посредством анализа исторических источников, так и через этнографическое погружение в исследуемые сообщества. Основной целью данной программы является привнесение в современную западную социальную теорию опыта и эмпирических данных из незападных стран для ее обогащения и усиления объяснительного потенциала.

В настоящей статье проведен анализ авторского исследовательского подхода Дитриха Юнга в монографиях *Islam in Global Modernity: Sociological Theory and Practice* (2023) и *Muslim Subjectivities*

1. "Dietrich Jung", *University of Southern Denmark Research Portal* [<https://portal.findresearcher.sdu.dk/en/persons/jung>, accessed on 6.10.2023].

in Global Modernity: Islamic Traditions and the Construction of Modern Muslim Identities (2020). Их можно и нужно воспринимать как декларацию позиции Юнга, сформулированную в результате синтеза его многолетних практических и теоретических изысканий. Для него совместимость ислама с современностью — исходное положение, аксиома. Подход Д. Юнга к исследованию исламских современностей является, несмотря на свою дедуктивность, как бы «инвертированным»: оценка эмпирических качеств исследовательского поля в нем нередко предшествует отбору теорий для их объяснения. Более ранняя книга лишь намечает теоретические основания в общих чертах и по большей части описывает результаты эмпирических исследований различных авторов исследовательского центра, лишь номинально объединенных слабой методологической рамкой, когда каждый из авторов на деле выбирает собственную стратегию. При этом *Islam in Global Modernity*, представляющая собой попытку более обстоятельно сформулировать методологическую рамку Юнга — теорию глобального модерна применительно к исламскому контексту (и шире «теорию мирового общества, позволяющую думать о современности как о единстве и разнообразии»²), вышла на 3 года позже, лишь в 2023 г.

В настоящей работе мы считаем необходимым сначала подробно изложить теорию, «сконструированную» Дитрихом Юнгом из различных блоков европейской и американской социологии, а затем обсудить результаты и перспективы ее применения.

Теоретическая модель Д. Юнга

Дитрих Юнг сразу стремится обозначить место своего подхода в современном исламоведческом контексте и констатирует: несмотря на устойчивую критику «западных» подходов к социологии ислама (например со стороны Эдварда Саида и его последователей), их теории и методы остаются весьма влиятельными в научном сообществе (Jung 2023, pp. 6–7). Юнг признает, что его учебный и профессиональный бэкграунд неразрывно связан с европейскими исследовательскими традициями, и влияние немецких школ и классиков (в частности Элиаса, Маркса, Вебера, Лумана, Эйзенштадта) играло ключевую роль для формирования его собственных позиций и теоретического контекста, в который вписаны его работы.

2. Jung, D. (2023) *Islam in Global Modernity. Sociological Theory and the Diversity of Islamic Modernities*, p. 15. Wiesbaden: Springer.

Формулируя свою исследовательскую стратегию, он предлагает признать высокую значимость подходов западных социальных наук и изменить исследовательский мейнстрим, используя их инструментарий (коим он владеет на достаточно высоком уровне, как будет показано далее) для «провинциализации Европы» — превращения этого региона из «главного» в «один из многих» (р. 7). Таким образом, Дитрих Юнг вступает в заочную дискуссию с постколониальными исследователями: он признает необходимость отхода от европоцентричного подхода, но стремится создать альтернативу бессодержательному антиимпериалистическому пафосу и принципу отсутствия общих требований для социологических концепций. Автор старается придать концепции постколониализма некоторое наполнение, «переизобрести» существующие теории, с тем чтобы с помощью новой, аналитически универсальной теории включить эти концепции в исламские контексты (pp. 7–8).

Одним из своих важнейших учителей Дитрих Юнг называет Никласа Лумана, и коммуникативная теория немецкого социолога действительно является доминирующей рамкой теоретической модели «социологической теории глобального модерна». В первую очередь это касается некоторых базовых интуиций о социальной реальности. Дитрих Юнг вслед за Луманом полагает, что социальные структуры первичны для социологического анализа, и явления, характерные для них, не могут быть сведены к индивидам и их действиям (pp. 73–74); кроме того, он воспринимает современное общество как общество всемирное, как глобальную систему коммуникаций, которая, несмотря на различные локальные феномены, не может быть сведена к отдельным «национальным» обществам (р. 15).

Предельная цель Д. Юнга, таким образом, — социальная теория для исследования не только мусульманских, но вообще всех сообществ в пределах всемирного общества. Первые выступают в данном случае как иллюстрация, выбранная в силу личных предпочтений и компетенций автора, однако он рассчитывает, что его теоретическая рамка будет применима и в других контекстах (pp. 7–8). В *Islam in Global Modernity* профессор Юнг не приводит доказательств этого предположения, однако, вероятно, он или его коллеги предоставят их в будущих работах. Фокус его теоретических построений, таким образом, значительно смещается, и фраза из предисловия к книге, написанного Штефаном Штеттером, о том, что Дитрих Юнг является не только «исламоведом, интересующимся социальной теорией», но и «знакомым с исламом социальным теоретиком» (VI), становится тем более справедливой.

Итак, Д. Юнг интересно всемирное общество модерна, и уже в силу этого его источники чрезвычайно разнообразны и неизбежно тематически широки, а итоговая модель столь же неизбежно окажется подобной современности — лишенной четких границ, гетерархической и гетерогенной.

Особая важность системной теории Никласа Лумана для модели Д. Юнга проявляется уже на уровне оперирования терминологией модерна. Для презентации своей оптики Юнг использует специфические определения, заимствованные у Лумана и порой не вполне согласующиеся со смыслами, которые вкладывали в эти же термины иные исследователи, на работы которых он опирается. Модернизация для него — это процесс эволюционного возникновения самоотсылающихся социальных подсистем (*evolutionary development of self-referential social systems*), то есть развивающаяся коммуникативная дифференциация (pp. 74–75). Модерн в таком случае — это глобальная система коммуникативной (но не вполне функциональной) дифференциации (p. 79). Дифференцируемые социальные подсистемы, в свою очередь, отличаются друг от друга не только и не столько своими функциями, сколько символическими языками, которые они используют; это избавляет исследователя от необходимости упражняться в телеологии и искать «реальный смысл» аспектов социальной реальности, позволяя интерпретировать их прямо, без излишней предварительной подготовки.

Обнаруживая пределы характеристики модерна, Д. Юнг опирается на несколько теоретических моделей, включая множественные модерна (*multiple modernities*) Ш. Эйзенштадта, последовательные модерна (*successive modernities*) П. Вагнера и связанные модерна (*entangled modernities*) ряда постколониальных исследователей.

Из первой модели он заимствует убеждение в том, что модернизация не объединяет общества, а разделяет их, поскольку основой для нее служат национальные традиции (pp. 40–41). Однако она едва ли представляет собой единый линейный процесс: то, что мы называем «модерном» или даже «модернами», на деле представляет собой множество разнонаправленных явлений. На это обратил внимание Петер Вагнер, сформулировав теорию *последовательных модернов*, в соответствии с которой модернизация неоднородна; в ней можно выделить несколько «стадий», которые, однако, не сменяют друг друга последовательно, а сохраняются среди «последующих» черт. В рамках данной теории понимать современность предлагается через различение в ней трех различных процессов, нелинейных и изолированных друг от друга (что позволяет избавиться от представле-

ния об их единстве и последовательности, накладывающих ограничения при применении к незападным контекстам), для которых Вагнер обозначает условные временные рамки: ограниченный либерализм (*restricted liberalism*) конца XVIII — начала XX века (до Первой мировой войны); организованная современность (*organized modernity*) 1914 — ~1968 гг. [здесь датировка авторская. — Д.А.]; плюралистическая современность (*pluralistic modernity*), продолжающаяся до настоящего времени (pp. 43–45).

При этом Юнг стремится реанимировать раскритикованную в середине прошлого века теорию модернизации Дэниэла Лернера (pp. 22–23), желая вслед за ним сохранить единство модерна в пределах глобального общества, а значит, для его модели необходима связь между разными проектами модерна. Таким соединительным механизмом становится теория *связанных модернов*, в соответствии с которой модернизация представляет собой процесс конструирования взаимосвязанных, но неравных модернов, обусловленный конкретно-историческими властными отношениями (p. 50). Каждый из таких проектов не изолирован, а постоянно контактирует с другими, и в таких условиях возможно влияние «периферии» на «центр», которое Эдвард Саид считал невозможным (pp. 51–52). Дитрих Юнг вновь ставит под сомнение антиимпериалистическую критику модерна и его исследований, указывая на неоднозначность и многообразие связей между субъектами империалистических отношений. Он отмечает, что в Европе не существовало никаких обуславливающих модернизацию явлений, как минимум предпосылки для которых нельзя было бы наблюдать за ее пределами; опыт колониализма, по его мнению, лишь подтолкнул актуализацию этого модернизационного потенциала. Следовательно, к изучению модерна в западных условиях необходимо подходить непредвзято, не приписывая слишком большого значения влиянию колонизаторов, но не забывая при этом о глубинной взаимосвязанности глобального общества.

Для осмысления и изучения социальной реальности Д. Юнг предлагает трехчастную модель, каждый из уровней которой описывается в иных обстоятельствах особой теорией. На «макро-уровне» это системная теория Н. Лумана, на «мезо-уровне» — институционализм Стэнфордской школы, а на «микро-уровне» — теория субъекта в изложении М. Фуко с дополнениями А. Реквица.

Благодаря этой модели теория модерна, сформулированная с опорой на Ш. Эйзенштадта, П. Вагнера и постколониальных ученых, превращается в глобальную. Для обеспечения связи между ее уровнями Дитрих Юнг обращается к идее эмерджентности — понятию из об-

щей теории систем, связанному с проявлением у системы свойств, не присущих ее составным частям³. Таким образом, ни один из этих уровней не может быть сведен к явлениям более низких уровней. Их следует рассматривать не снизу вверх, а сверху вниз, принимая во внимание то, как индивидуальные субъектности конструируются институтами и таким образом вписываются в глобальные процессы модерна; это также означает, что все три уровня можно изучать отдельно, не утрачивая при этом когерентности и репрезентативности.

Макроуровень теоретической модели Дитриха Юнга имеет дело с глобальным обществом в интерпретации Никласа Лумана, то есть со всеобщей системой коммуникации, состоящей из информации, передачи этой информации и ее понимания (р. 76). Глобальная современность определяется особым языком, который может иметь конкретно-исторические проявления, однако этот факт не противоречит его универсальности. Мусульманская современность, в таком случае, — это способ коммуникации о современности, присущий мусульманам, и его относительное единство обеспечивается гегемонией. Она покоится на том, что способ говорить о современности, избранный исламскими модернистами XIX–XX вв., был на самом деле лишен каких-либо конкретных черт (pp. 211–212). Он был незападным, но и только: содержание этой незападности могло быть различным, апеллирующим к конкретным аудиториям в конкретных исторических и социальных условиях, что позволяло дискурсу об исламском модерне заполнять пространство терпящих поражения проектов секулярного модерна (р. 213) — младотурецкого, панарабского, пехлевийского и многих других. В первой четверти XXI в. это непоследовательное и многоуровневое развитие обеспечило ему относительную гегемонию, однако ее проявления многообразны, сложны и требуют индивидуального изучения, а не только попыток генерализации.

В качестве мезоуровня, опосредующего влияние глобального общества на индивидов, Дитрих Юнг рассматривает пространство институтов, понимаемых им, вслед за представителями Стэнфордской школы, как изоморфные организации, обеспечивающие включение отдельных людей в функциональные системы (р. 164). Важнейшим институтом современности он считает национальное государство, поскольку все прочие организации так или иначе реализуют свои цели через него (р. 171), и даже акторы, настаивающие на своей негосударственности или антигосударственности, нередко ведут себя как госу-

3. Bedau, M. A. (1997) "Weak Emergence", *Philosophical Perspectives: Mind, Causation, and World* 11: 376.

дарственные. Подобный взгляд согласуется с убеждением Шмуэля Эйзенштадта в том, что национальная культура обуславливает создание вариаций модерна, различающихся содержанием, но не формой: Исламская республика Иран может полагаться в своей деятельности на кодификацию шариата, однако она будет, во-первых, специфически иранской, а во-вторых, подчиненной государственным нуждам (pp. 184–186). В случае Ирана предлагаемая Дитрихом Юнгом модель находит подтверждение у иных исследователей, полагающих, что Исламская революция 1979 г. представляла собой процесс апроприации государственности и государственных институтов улемами, которые, однако, не привнесли в функционирование иранского государства никаких по-настоящему новых методов и явлений⁴.

Наконец, микроуровень социального представлен восприятием и позиционированием индивидов. Для описания этих явлений Д. Юнг опирается на теорию субъектности «позднего» М. Фуко и ее адаптацию, осуществленную А. Реквицем в связи с теорией последовательных модернов П. Вагнера. Формирование субъекта модерна обусловлено рядом противоречивых, хотя и тесно взаимосвязанных тенденций: он автономен от окружающей реальности, то есть обладает кантианской автономией воли, теоретически позволяющей ему самостоятельно определять принципы своего существования, однако обратной стороной этой «свободы» является постоянное ощущение незащищенности, отчуждения от мира и социума (pp. 139–140). Коммуникативная и функциональная дифференциация, характерная для макроуровня, на индивидуальном уровне превращается в дробление восприятия: субъект оказывается помещен в пространство самореферентных социальных подсистем, между которыми нет очевидно наблюдаемых связей, что еще сильнее его дезориентирует (р. 140). Люди испытывают потребность в компенсации своего отчуждения, однако на каждом отдельном историческом этапе, как указывает Андреас Реквиц, ее формы оказывались различными.

В эпоху ограниченного либерализма доминировал тип морально автономного буржуазного субъекта, который искал средство спасения от дезориентации в собственном разуме, отделяясь от общества и ощущая себя индивидом в полном смысле (pp. 146–147). На этапе организованного модерна доминирующий субъект, напротив, стал характерно экстравертированным и пролетарским, борющимся с отчуждением через налаживание социальных связей и участие в мас-

4. Arjomand, S.A. (1988) *The Turban for the Crown: The Islamic Revolution in Iran*, pp. 173–174. N.Y.: Oxford University Press.

совых социальных движениях с четким разделением ролей (р. 148), перекликающимся с фабричным устройством и тейлористской бюрократией. Наконец, в эпоху плюралистического модерна пришло доминирование нового типа субъекта — креативно-потребительского, стремящегося к самовыражению, индивидуализации восприятия и позиционирования (р. 153).

В отличие от последовательных модернов, типы соответствующих им субъектов не сменяли друг друга последовательно. Соответствующие им черты могут проявляться «анахронистически», что обеспечивает многообразие интерпретаций конкретного поведения индивидов, но также оставляет пространство для споров о «правильности» этих интерпретаций. Исследователи могут наблюдать различные типы субъектов в любом современном контексте, поскольку они не растворяются друг в друге и не исчезают; предложенная Д. Юнгом классификация может быть полезна для осмысления подобных явлений и формирования объяснительных моделей.

Концептуальный аппарат Д. Юнга чрезвычайно сложен и многообразен. Читателям *Islam in Global Modernity: Sociological Theory and the Diversity of Islamic Modernities* предлагается своеобразная «социологическая теория всего», призванная приблизиться к исчерпывающему описанию глобального общества модерна (р. 197). Помимо очевидных достоинств, включая обстоятельность охвата социальных явлений и качественно выстроенные связи между частями, подобный подход обладает также рядом недостатков или, скорее, трудностей.

В первую очередь это уже упомянутое отсутствие доказательств его применимости за пределами европейских и мусульманских контекстов. Западная социология создана преимущественно европейцами и прежде всего на европейском материале, а значит, столь грамотно составленная схема ее концептов неизбежно обладает объяснительной силой на этом материале. Дитриху Юнгу удастся показать, что, с учетом некоторых адаптаций и при должном уровне понимания контекста, ее можно использовать при исследовании модерна и его проявлений в ближневосточных обществах, однако всемирное общество не исчерпывается этими двумя локальными вариациями. Даже «исламский мир» простирается существенно дальше Западной Азии: в частности, страной с наиболее многочисленным мусульманским населением в 2023 г. является Индонезия⁵, обладающая особен-

5. Ministry of Religious Affairs (2018) "Statistik Umat Menurut Agama di Indonesia", 15 May [https://web.archive.org/web/20200903221250/https://data.kemenag.go.id/agamadashboard/statistik/umat, accessed on 5.10.2023].

ной колониальной и постколониальной историей, порождающей социальные явления, не имеющие прямых аналогов на Ближнем Востоке. Однако Д. Юнг обходит индонезийское общество стороной. За пределами его набора иллюстраций остаются Африка, Южная и Северная Америки, большая часть Евразии, то есть подавляющее большинство существующих вариаций модерна, которые гипотетически объясняет формулируемая им теория. Это не означает, что она их не объясняет вовсе, однако ее нельзя считать «социологической теорией глобального модерна» до тех пор, пока ее эффективность не доказана на значительном числе мировых примеров. Даже такие тесно связанные с европейским проектом контексты, как южноамериканские, уже оказывались существующими по совершенно иным принципам, которые невозможно генерализировать; в частности, это было доказано Б. Геддес применительно к партийным системам⁶. К «социологической теории всего», как представляется, следует относиться с еще большей осторожностью.

Одним из важных аспектов работы Д. Юнга является противостояние антиимпериалистической критике Э. Саида и его последователей. Он утверждает, что модерн не был навязан европейскими колониальными державами остальному миру, но сложился естественно во множестве мест (р. 33, 51). Собственные примеры профессора Юнга, впрочем, противоречат категоричности этого утверждения: абсолютное большинство из них относятся к периоду со второй половины XIX в., когда Ближний Восток уже находился под значительным влиянием империй, деятельность которых нередко разрушала хозяйственную и культурную жизнь местного населения, провоцируя реформистские и модернистские усилия, одним из проявлений которых и был исламский модернизм⁷. Невозможно отрицать, что без проникновения в мусульманские общества европейской философии, экономики и технологий взгляды Джамалуддина аль-Афгани или Мухаммада Абдо были бы совершенно другими, если бы эти люди в принципе пришли бы к интеллектуальной деятельности в подобном формате. Дитрих Юнг соглашается с тем, что мусульманские вариации модерна возникли под влиянием европейского модерна (рр. 26–27, 60), а значит, его позиция не противоречит позиции Эдварда Саида, а представляет собой ее более слабую версию, поскольку

6. Geddes, B. (2003) *Paradigms and Sand Castles*, pp. 148–173. Ann Arbor: University of Michigan Press.
7. Choueiri, Y.M. (2002) “Review: The Middle East: Colonialism, Islam and the Nation State”, *Journal of Contemporary History* 34(4): 649–663.

ку существование империализма и культурной гегемонии является вполне доказанным научным фактом.

Практическое применение

Общее описание применения идей Д. Юнга

Книга *Muslim Subjectivities in Global Modernity: Islamic Traditions and the Construction of Modern Muslim Identities* под редакцией Дитриха Юнга и Кирстин Синклер, изданная в 2020 г., является коллективной работой широкой группы исследователей, входящих в *MMSP*. Перед авторами стояла задача дать широкий обзор современных форм мусульманских субъектностей в мире модерна и при этом применить теоретическую рамку, предложенную Д. Юнгом, к собственным сферам научного интереса (Jung 2020, p. 2). Таким образом, монография должна была представлять из себя гомогенный и последовательный разбор разных форм мусульманских идентичностей на релевантных и всеохватывающих кейсах, чтобы продемонстрировать конструктивистский характер выстраивания субъектности в современном мире.

Здесь нужно сделать ремарку, касающуюся во многом недостаточной концептуализации основных терминов — идентичности и субъектности, — используемых Юнгом и командой исследователей в равном объеме и, кажется, практически в одном и том же значении. Однако в академической литературе эти понятия не эквивалентны. Субъектность подразумевает агентность, способность актора в действительности поступать в соответствии со своими интересами. Субъектность индивидуальна, всегда является интересом самого человека, который ею обладает или стремится обладать⁸. Идентичность же в этом плане более гибка и адаптивна. Идентичность всегда оказывается связанной с принадлежностью к группе⁹, позиционированием¹⁰ себя, проигрыванием и «переигрыванием» роли¹¹. Идентичность ди-

8. См., например: Žižek, S. (2019) “The Fall That Makes Us Like God, Part I”, *The Philosophical Salon* [<https://thephilosophicalsalon.com/the-fall-that-makes-us-like-god-part-i/>], accessed on 5.10.2023].

9. Anderson, B. (1983) *Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. London: Verso.

10. Hall, S. (2011) “Introduction: Who Needs ‘Identity?’”, in S. Hall, P. du Gay (eds) *Questions of Cultural Identity*, pp. 1–17. SAGE Publications Ltd.

11. Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни (пер. с англ. и вступ. статья А.Д. Ковалева). М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2000. С. 80.

намична¹², так как существует всегда в длительном временном периоде вместе с референтной группой, поэтому реагирует на изменения и в целом подвержена переосмыслению в своем абсолютном измерении гораздо сильнее. Так или иначе, данные концепты, разумеется, довольно тесно взаимосвязаны, и часто идентичность становится ключом к субъектности, ее формирует. Так как идентичность всегда фрагментирована и является некоторым «итогом комбинации разных позиционирований себя»¹³, она вполне может даже вступать в конфликт с требованием монолитности и автономии со стороны субъектности¹⁴, которая во многом предполагает возможность и способность субъекта дистанцироваться от группы¹⁵ — которая, в свою очередь, во многом обуславливает существование идентичности.

Возвращаясь к монографии, стоит заметить, что для авторов оказывается значим и концепт современности, представляющей собой для них набор новых условий и вызовов, стоящих перед совершенно разными культурами, странами, каждая из которых ищет собственную стратегию ответа на них (pp. 14–15). В отличие от попыток рассмотреть незападные формы модерна как частичное заимствование идей Запада, их гибридизацию в контексте местной культуры, авторы данной книги не отказывают мусульманским обществам в агентности и значимости отстаиваемых идей, равно как и не требуют монолитности и полной синхронизации действий всех акторов, учитывая плюральность и гетерогенность модерна.

В то же время следует иметь в виду, что данная плюралистичность форм не всегда может быть исчерпывающе объяснена существующей теорией, что в данном случае делает теоретическую рамку, предложенную Дитрихом Юнгом, идейно вторичной по отношению к содержанию представленных работ. Так, многие авторы избрали для себя этнографический подход, что существенно ограничивало использование всей широты теории Юнга, поскольку полученные эмпирические данные нередко соответствовали лишь ее части или вообще не могли быть вписаны в ее рамки. Также, в ходе написания книги авторы встречались только дважды, на воркшопе в самом начале работы, где были обозначены основные теоретические предпосылки и проведено обсуждение готовящихся исследований, и в конце рабо-

12. Бергер П. Приглашение в социологию. М.: Аспект-Пресс, серия «Гуманистическая перспектива», 1963.

13. Hall, S. "Introduction: Who Needs 'Identity'?".

14. Harre, R. (1979) *Social Being*, p. 246. Oxford: Blackwell.

15. Ibid., p. 190.

ты, когда исследования были завершены (р. 4). Таким образом, главы книги согласуются лишь общей темой книги и нередко предлагают совершенно разные перспективы для изучения современных мусульманских субъектностей. С одной стороны, разнообразие взгляда на изучаемый предмет исследования кажется соответствующим конструктивистскому подходу, заложенному в тему, и, следовательно, идее исследования. С другой стороны, это во многом создало трудности в имплементации теоретической рамки Дитриха Юнга в ходе проведения конкретных исследований.

Кроме того, понимание теории Юнга у различных исследователей было разным, что не позволяет говорить о формировании нового подхода к изучению глобальных современностей, способного сформировать будущий мейнстрим. В настоящее время предложенная Юнгом рамка может нуждаться в упрощении, дополнительном прояснении основного смысла и адаптации под нужды исследователей, работающих в рамках этнографического подхода.

Классификация исследовательских кейсов в соответствии с их методологическими основаниями

В целом главы книги можно классифицировать по четырем категориям, исходя из используемых авторами данных (первичные или вторичные) и способа работы с ними (индуктивно или дедуктивно). Иными словами, основой классификации становится методологический подход, используемый автором конкретной статьи, и в дальнейшем его согласованность с общим теоретическим фреймворком.

Нами было рассмотрено два критерия, которые в любом случае позволяют характеризовать проведенное исследование. Данные в случае рассматриваемой монографии оказываются весьма значимыми по ряду причин.

Во-первых, эмпирика в случае рассмотрения идентичности оказывается довольно сильно подверженной изменениям (можно вновь обратиться к свойству динамизма идентичности и ее большой гибкости), поэтому исследователи (что мы также можем видеть в этом сборнике) в большинстве своем стремятся к работе с новыми данными, собранными в соответствии с целью проводимого исследования и сфокусированными таким образом, чтобы наиболее ярко и четко подсветить те проблемные поля, которые исследователь считает релевантными для своего исследования.

Во-вторых, что не менее важно, сама концептуализация понятий идентичности и субъектности способна сыграть значимую роль

в процессе определения того, какие данные для исследования (при этом не только фокусирование этих данных, но даже тип, метод сбора) в целом способны рассматриваемый феномен охарактеризовать и раскрыть. Таким образом, данные в целом становятся определяющими для каждого из исследований, во многом именно поэтому им уделяется особое внимание.

Под первичными данными подразумеваются те, что собраны авторами непосредственно в ходе исследования, нередко в форме этнографического опыта. Это данные, которые оказываются полностью адаптированными под нужды проводимого исследования и, более того, абсолютно релевантными историческому контексту, в который данное исследование погружено. Вторичные данные — это, прежде всего, эмпирика, существующая в виде каких-либо социальных артефактов¹⁶ или собранная в рамках других исследований. В случае рассматриваемой монографии они представляют из себя различные документы, служащие для исследования какого-либо исторического события. К их числу относятся, в том числе, посты, опубликованные в социальных сетях, как одна из новейших форм исторических источников.

Более того, в данной классификации мы опирались на то, какой дизайн исследования был избран авторами для своих статей — индуктивный или дедуктивный¹⁷.

Индуктивный подход к работе с данными подразумевает движение от содержания имеющихся данных к их генерализации, формированию общей картины. Иными словами, работая индуктивно, исследователь не закладывает гипотез и не ставит жестких теоретических барьеров на пути к подбору эмпирических данных, более того, нет четких стадий того, как продвигается исследование; возможны возвращение в поле, реконцептуализация понятий, если данные оказываются вне теоретического поля, рассматриваемого на подготовительных этапах исследования. В целом, нет общей неизменной логики следования на пути от цели работы к получаемым выводам.

Дедуктивный подход, напротив, подразумевает приоритет теоретических оснований, на которых формируется объяснение данных. Исследовательская дедукция предполагает четкое следование стадийности проводимого исследования; более того, последовательные

16. Cooper, K., White, R. E. (2011) *Qualitative Research in the Post-Modern Era. Contexts of Qualitative Research*, p. 121. Dordrecht: Springer.

17. Ibid., p. 130.

этапы концептуализации и операционализации используемых понятий накладывают определенный отпечаток на собираемые данные и оптику их рассмотрения.

Наиболее полно объяснительный потенциал теории Юнга реализуется в случае работы со вторичными данными при дедуктивном подходе. Данный подход использует сам Дитрих Юнг в четвертой главе, написанной в соавторстве с Ахмедом Абу Эль Залафом, также являющимся сотрудником Центра современных исследований Ближнего Востока. Эта глава посвящена исследованию движения «Братья-мусульмане»¹⁸, где на примере истории жизни Хасана аль-Банна, создателя организации, прослеживается связь нынешних проявлений ислама и современности, исследуется обретение агентности членами организации через борьбу (р. 89). Таким образом, в данной главе авторы, исходя из теории множественных модернов, реконструируют нарратив формирования особенного модерна в контексте неотрадиционалистских движений Египта (р. 91).

Подобным образом подход Юнга применен в шестой главе Марком Сэдживиком, профессором арабских и исламских исследований в Орхусском университете в Дании. Она также посвящена исследованию неотрадиционалистских движений, но в более широком смысле. Рассматриваются истоки формирования различных групп данного направления, выделяются общие черты, связывающие между собой различные неотрадиционалистские движения, образовавшиеся в разных странах и культурно-исторических контекстах. Примечательно, что в исследовании самовосприятия неотрадиционалистов автор, в соответствии с теоретической рамкой, охарактеризовал их как движение модерна, в то время как они сами скорее противопоставляют себя ему (pp. 137–139).

Это вскрывает одну из важнейших проблем, связанных с применимостью теории Юнга к изучению исламского мира: категории и термины, которыми он оперирует как представитель западной науки, не всегда могут соответствовать тому, как люди внутри изучаемых сообществ мыслят и говорят о себе. И поскольку исходной задачей проекта по изучению современных мусульманских субъектностей было привнесение в контекст европейской науки новых данных и перспектив из обществ и социальных групп, часто остающихся вне области интереса многих современных социальных исследователей, противоречия между получаемыми данными и теоретической рамкой практически неизбежны (р. 2). Особенно ярко они обнаружива-

18. Организация запрещена на территории РФ.

ются в других главах, авторы которых в некоторой степени отклоняются от подхода Юнга.

Индуктивный подход при работе со вторичными данными менее приспособлен для использования обсуждаемого теоретического фреймворка. В первую очередь это вызвано большей ограниченностью исследователя в выборе материала, который может не соответствовать всем аспектам достаточно широкой и многоуровневой теории. С подобной проблемой сталкивается автор второй главы, посвященной исследованию риторики антиколониального движения в Алжире, — Якоб Краис, научный сотрудник Фонда Герды Хенкель. Основываясь на изучении программных текстов и автобиографических источников с 1920 по 1962 г., он делает попытку проследить формирование современных мусульманских субъектностей, а также понять их особенности в рамках конкретного кейса. В данном случае теория Юнга сыграла некоторую роль в определении дизайна исследования. Так, благодаря идеям Юнга и его предшественников о важной роли лидеров в движениях модерна, автор данной главы обратил внимание на самовосприятие лидеров скаутского движения¹⁹ как воспитателей не только тела, но и души (pp. 40–41). В то же время значение теоретической рамки в данной главе сложно назвать определяющим.

Подобным образом в десятой главе за авторством Лине Мекс-Йёргенсен, научной сотрудницы Университета Южной Дании, был проведен анализ текстов популярных египетских медиа, связанных с событиями Египетской революции 2011 г., через призму представлений о хорошей жизни, а также с точки зрения того, как эти представления соотносятся с общим нарративом движений модерна. Так, свое состояние до революции люди описывали в терминах пассивности, они испытывали на себе последствия коррупции и полицейского произвола, но сами революционные события описывались уже в терминах прямого действия, влияния на мир, обретения агентности (pp. 232–233). Несмотря на шанс применить здесь идеи Д. Юнга о микроуровне социальной реальности, эта возможность осталась по большей части нереализованной, а основной фокус исследования был направлен именно на изучение представлений о хорошей жизни, что является основным научным интересом автора (p. X).

19. Скаутское движение — добровольное военно-политическое образовательное движение молодежи, целью которого является содействие молодым людям в их становлении как полноценных личностей.

Прочие главы преимущественно представляют собой сведения об этнографических исследованиях, то есть их авторы применяют индуктивный подход для анализа первичных данных. В данном случае теория Юнга оказывается менее значимой для структуры этих глав или их содержания. Несомненно, знания авторов о теории множественных модернов и знакомство с теоретическими работами, лежащими в основе идей Юнга, влияют на то, как они воспринимают мир и отдельные сообщества, что, в свою очередь, отражается на содержании проводимых ими исследований. В то же время, в этих главах книги данная связь нередко оказывается малозначимой из-за большего фокуса авторов на описании фактов и ситуаций, свидетелями которых они были. Кроме того, как уже было сказано ранее, попытка передать опыт исследуемых сообществ их концептуальным языком зачастую не оставляет места для использования теоретической рамки Юнга.

В каждом из рассмотренных случаев собственная сфера научных интересов автора главы играла более важную роль в определении структуры исследования, чем теоретическая рамка Юнга. Ситуация, в которой именно данный подход может быть определяющим даже при индуктивном следовании, несомненно, возможна. В то же время, вероятно, отдельные аспекты теории могут иметь большую применимость из-за невозможности полностью подчинить индуктивное исследование конкретному набору положений, необходимых для освещения. Скорее всего, потенциал в данном случае имеет изучение обретения людьми агентности в модерне. Подобный переход может быть обнаружен в совершенно различных исследовательских контекстах, и именно эта тема является одной из объединяющих для большинства глав книги.

Остается не до конца понятным, в какой парадигме, прежде всего методологической, стоит воспринимать рассматриваемую монографию, из какой исследовательской оптики исходить, интерпретируя общий посыл этого теоретического труда. С одной стороны, мы имеем притязания авторов на академическую новизну, создание фундаментальной объяснительной модели, способной стать мейнстримом в изучении идентичности и субъектности за рамками западного мира, давая альтернативу классическим позитивистским и ориенталистским исследованиям так называемого мусульманского мира. С другой стороны, теоретическая рамка, последовательно выстраиваемая Юнгом, опирается на представителей постпозитивистских взглядов, имеющих склонность к выделению идеальных типов и последующему категоризированию получаемых эмпирических данных

в соответствии с ними. В качестве рабочих типологизаций, как уже упоминалось, используются идеи П. Вагнера и А. Реквица. Они задают последующему исследованию достаточно жесткую форму и рефреном повторяются во многих главах, внося очевидные коррективы в результаты проводимых исследований. В таком формате теоретико-концептуальная рамка монографии представляется избыточной и ставящей преграды на пути индуктивных исследований, а таковых в книге, как мы уже сказали, довольно много.

Вывод

Таким образом, монография *Muslim Subjectivities in Global Modernity: Islamic Traditions and the Construction of Modern Muslim Identities* представляет собой монументальный и обширный труд, в целом задающий достаточно широкую рамку в изучении мусульманских субъектностей и идентичностей в современном мире. Несмотря на все обозначенные противоречия и некоторые нестыковки, работы Юнга остаются одними из наиболее глубоких в этой области и дают мощный стимул для развития исследований мусульманского мира вне рамок исключительно классических, в том числе сравнительных, направлений. Более того, предложенная теоретическая рамка, достаточно специфичная в смысле своей исследовательской новизны и степени проработки, направлена на то, чтобы ответить (пусть пока, по определенным причинам, не всегда релевантным образом) на те вызовы, которые ныне стоят перед исследователями незападных регионов и их культур. Так, Юнг поднимает ряд принципиально важных вопросов, на которые ученые в ближайшем будущем будут искать наиболее убедительный ответ.

Итоги

Обобщая вышесказанное о работах, написанных под академическим кураторством Дитриха Юнга и имеющих целью имплементацию в конкретных исследованиях предложенной им теоретической рамки, следует отметить принципиальные достоинства этих статей, которые позволяют считать подход Юнга лидирующим в исследованиях мусульманского мира.

При этом нужно сказать, что теоретическая рамка, разработанная Дитрихом Юнгом, может считаться фундаментальной уже потому, что он провел в высшей степени скрупулезную систематизацию и реактуализацию тех теорий, которые стремительно утрачивали

свою объяснительную силу в условиях усилившейся мультикультурализации и глобализации (а иногда и глокализации) современного мира. Выстраивание связей между моделями, которые не задумывались как друг друга дополняющие (или просто противоречили друг другу), а также интерпретация тех аспектов теории, которые в большинстве случаев создают когнитивный дискомфорт у эмпирических исследователей, — все это было сделано доступно, умело и почти без изъяснов. Это, в свою очередь, позволяет теоретической рамке Юнга быть вполне применимой к ряду эмпирических исследований, в частности тех, авторы которых работают ретроспективно, стремясь через новую исследовательскую оптику понять и объяснить классические и уже давно проинтерпретированные феномены. Таким образом, Дитрих Юнг не просто изобретает соответствующий его исследовательским интенциям теоретический инструментарий, используя разные теории, но восстанавливает и вновь вводит в исследовательский оборот внутренне связанный и логически обоснованный теоретический фреймворк.

Кроме того, модель Юнга дает возможности для систематизации данных, в том числе при их высокой гетерогенности и неочевидности, так, чтобы они становились доступными для обработки и укладывались в существующие объяснительные модели. Несмотря на то, что мы говорили о рисках, связанных с таким подходом к работе с данными, это может быть вполне полезным для исследователей, которые либо находятся вне исламоведческого поля, либо не имеют готового инструментария для глубокого и структурированного исследования.

Наконец, очевидным достоинством модели Д. Юнга является ее нацеленность на исчерпывающее описание социальных явлений. В ней уделяется внимание большинству аспектов человеческого существования в модерне, и в силу этого она предоставляет эффективный инструментарий для интерпретации новых данных, получаемых исследователями, при возникновении неизбежных трудностей с их пониманием. Разумеется, это требует знакомства не только с этой моделью, но и с оригинальными работами, на которые опирается Юнг, однако у этой модели есть потенциал для превращения в одну из отправных точек изучения исламских сообществ в будущем.

При этом мы считаем необходимым сфокусироваться и на проблемах, которые возникают из-за обширности этой теоретической рамки.

Отметим, что в работе *Islam in Global Modernity* автор признает легитимность потенциальной критики, исходящей, в частности, от сторонников строгого теоретического подхода и постколониализ-

ма. Юнг сам упоминает многие ограничения своей работы: действительно, предложенная теория не может дать окончательного ответа на вопрос о том, как ислам и современность соотносятся во всех возможных контекстах; сделанные выводы могут быть неполными по той же причине множественности эмпирически обнаруживаемых современностей, хотя и соединенных в рамках одной теоретической концепции; наконец, сам подход может быть спорным хотя бы по причине его относительно новаторского характера и стремления собрать воедино довольно разные теории (Jung 2023, p. 12, 197). На взгляд самого Юнга, все эти недостатки нивелируются инновационным вкладом в соответствующие исследования. Однако этим слабые стороны работы не ограничиваются.

Во-первых, в *Islam in Global Modernity* Д. Юнг, очевидно, стремится проиллюстрировать свои теоретические построения и тщательно отбирает используемые им примеры. Хотя попытка вывести некоторые западные концепции из исламских контекстов представляется убедительной в отдельных случаях, все же их обобщение кажется преждевременным и несколько натянутым. Они действительно оказываются хорошими иллюстрациями, однако в результате возникает иная проблема. Множество аспектов жизни мусульманских обществ, не укладывающихся в модель возникновения модерна во множестве мест в различные периоды, игнорируются. Так, практика икты²⁰, критика специализации знания Ибн Таймией²¹, регулярное вмешательство османских султанов в деятельность улемов²² и большое число иных явлений, представляющих собой условные «антимодернистские» тенденции, не представляют для Юнга интереса. Модерн для него оказывается неизбежностью, а оппозиция ему и даже альтернативные интерпретации, выходящие за пределы сформулированной им теории, имеют меньшую ценность, чем собственно модернистские проекты; однако подобное убеждение является в значительной степени анахронистическим и обусловлено ретроспективностью взгляда исследователя из XXI в.

Во-вторых, теоретические построения Юнга никак не затрагивают методологический аспект их имплементации в каждом отдельном

20. Irfan, H. (1982) *The Cambridge Economic History of India: Volume 1. C. 1200 — c. 1750*, p. 68. Cambridge University Press.

21. Nettler, R. N. (2016) "Ibn Taymīyah, Taqī al-Dīn Aḥmad", *Oxford Islamic Studies Online*. [https://web.archive.org/web/20160307235354/http://oxfordislamicstudies.com/article/opr/t236/e1167, accessed on 5.10.2023].

22. Schneider, I. (2001) "Ebussuud", in M. Stolleis (ed.) *Juristen: ein biographisches Lexikon; von der Antike bis zum 20. Jahrhundert* (2nd ed.), p. 192. München: Beck.

исследовании. Более того, часто из-за понятного механизма интерпретации получаемых данных, при наличии некоторой модели, с помощью которой можно было бы объяснить все результаты исследований, создается ситуация определенной предвзятости исследователей, когда более легкой стратегией становится применение к кейсам и феноменам таких методов, которые не будут противоречить данной теоретической рамке. Таким образом, мы имеем определенный разрыв между фундаментальным и обширным теоретическим фреймворком и «эмпирической почвой», которая по идее оказывается второй для исследователя, следующего разработанной Юнгом схемой.

Все это приводит к тому, что блестяще продуманная и внутренне логичная теоретическая рамка начинает создавать определенные барьеры при переходе в реальное поле, которое зачастую оказывается необъяснимым «сверху вниз». Более того, иногда поле, с которым работают рассматриваемые нами исследователи, не требует объяснения в рамках уже имеющихся моделей, архетипов и теорий в целом; скорее, оно требует чуткости, интуиции, которая позволила бы исследователю идти за респондентом туда, куда он готов ответить²³, и понимания, проживания его жизни, а впоследствии ее скрупулезного и тщательного описания для достижения первоначальной цели — обретения рассматриваемыми мусульманами агентности и независимости, рассмотрение их с точки зрения ими же обретенной самости, вне зависимости от европоцентричных моделей и теоретических построений, через призму их самостоятельности, состоятельности и самооценности для исследователя.

Библиография / References

Бергер П. Приглашение в социологию. М.: Аспект-Пресс, серия «Гуманистическая перспектива», 1963.

Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни (пер. с англ. и вступ. статья А.Д. Ковалева). М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2000.

Anderson, B. (1983) *Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. London: Verso.

Arjomand, S.A. (1988) *The Turban for the Crown: The Islamic Revolution in Iran*. N.Y.: Oxford University Press.

Bedau, M.A. (1997) “Weak Emergence”, *Philosophical Perspectives: Mind, Causation, and World* 11: 375–399.

23. Rhodes, R.A.W., Hart, P., Noordegraaf, M. (2007) “So What? The Benefits and Pitfalls of Being There”, in Rhodes, R.A.W., Hart, P., Noordegraaf, M. (eds) *Observing Government Elites*, p. 230. London: Palgrave Macmillan.

- Berger, P. (1963) *Priglasenie v sotsiologiiu* [An Introduction to Sociology]. Moskva: Aspekt-Press.
- Choueiri, Y. M. (2002) "Review: The Middle East: Colonialism, Islam and the Nation State", *Journal of Contemporary History* 34(4): 649–663.
- Cooper, K., White, R. E. (2011) *Qualitative Research in the Post-Modern Era. Contexts of Qualitative Research*. Dordrecht: Springer.
- Geddes, B. (2003) *Paradigms and Sand Castles*. Ann Arbor: University of Michigan Press.
- Goffman, I. (2000) *Predstavlenie sebia drugim v povsednevnoi zhizni* [The Presentation of Self in Everyday Life]. M.: Kanon-Press-TS, Kuchkovo pole.
- Hall, S. (2011) "Introduction: Who Needs 'Identity'?", in S. Hall, P. du Gay (eds) *Questions of Cultural Identity*, pp. 1–17. SAGE Publications Ltd.
- Harre, R. (1979) *Social Being*. Oxford: Blackwell.
- Irfan, H. (1982) *The Cambridge Economic History of India: Volume 1. C. 1200 — c. 1750*. Cambridge University Press.
- Jung, D. (2023) *Islam in Global Modernity. Sociological Theory and the Diversity of Islamic Modernities*. Wiesbaden: Springer.
- Jung, D., Sinclair, K. (eds) (2020) *Muslim Subjectivities in Global Modernity: Islamic Traditions and the Construction of Modern Muslim Identities*. Leiden: Brill.
- Rhodes, R. A. W., Hart, P., Noordegraaf, M. (2007) "So What? The Benefits and Pitfalls of Being There", in Rhodes, R. A. W., Hart, P., Noordegraaf, M. (eds) *Observing Government Elites*, pp. 206–233. London: Palgrave Macmillan.
- Schneider, I. (2001) "Ebussuud", in M. Stolleis (ed.) *Juristen: ein biographisches Lexikon; von der Antike bis zum 20. Jahrhundert* (2nd ed.), pp. 192–193. München: Beck.
- Žižek, S. (2019) "The Fall That Makes Us Like God, Part I", *The Philosophical Salon* [https://thephilosophicalsalon.com/the-fall-that-makes-us-like-god-part-i/, accessed on 5.10.2023].